

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Института этнологии и антропологии РАН

Москва 2001

типично для города, во многих аулах о наркомании даже не слышали. Но мириться с этим сельчане не захотят, и такая семья скорее всего будет в селении на положении изгоев.

Взаимоотношения местной и центральной власти в Карачаево-Черкесии. В ходе экспедиции я изучала отношение местной власти к традиционной правовой практике и сделала вывод о том, что сельская власть, включая глав муниципальных сельских образований и местные отделения милиции, хорошо осведомленные о традиционной правовой практике примирения и выплате компенсации для примирения конфликтующих сторон, признают наличие этих норм и активно их поддерживают. Считается, что по возможности лучше уладить дело собственными силами, так, как в течение веков делали это отцы и деды, а наказание, которое предлагает УК РФ, не пойдет на пользу ни виновнику, ни потерпевшему. Главы сельских администраций и председатели колхозов организуют дружины из односельчан для самостоятельной борьбы с различными правонарушениями⁸. Часто собираются сельские сходы, на которых главы администраций советуются со стариками по различным вопросам.

Сотрудники более высокого ранга, представители властных и правоохранительных структур не признают существование адатов, считают, что все это осталось в прошлом. Если дело решается благополучно, без осуждения, или виновный получает незначительное наказание, то это происходит исключительно либо за деньги, либо «по-родственному», либо потерпевший не обращается в правоохранительные органы исключительно из-за неверия в эффективность их деятельности⁹.

¹ Полевые материалы автора, в дальнейшем ПМА, тетр.1 оп.1 д.3.

² ПМА тетр.1 оп.1 д.5.

³ ПМА тетр.1 оп.1 д.3,4,5,6,7.

⁴ ПМА тетр.1 оп.1 д.1,3.

⁵ ПМА тетр.1 оп.1 д.8.

⁶ ПМА тетр.1 оп.1 д.7,10.

⁷ ПМА тетр.1 оп.1 д.12.

⁸ ПМА тетр.1 оп.1 д.2,3,5,9.

⁹ ПМА тетр.1 оп.1 д.15,16.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Научные статьи

Б.И. Вайнберг

Функциональные зоны в древнехорезмийском культовом центре Калалы-гыр 2

В VI-начале IV вв. до н.э. Хорезм, располагавшийся в низовьях Амударьи, входил в состав древнеиранской империи Ахеменидов. Первоначально он объединялся в одну сатрапию с Парфией и Согдом, а на рубеже V-IV вв. до н.э. выделяется в отдельную сатрапию. Причина этого, возможно, кроется в том, что к концу V в. до н.э. установился регулярный сток по Узбою (речной проток, по которому осуществлялся сток части вод Амударьи в Каспийское море) и водный путь из Амударьи через Сарыкамышское озеро, и этот проток в Каспийское море связал Хорезм более коротким путем с основными центрами ахеменидской империи. Это определило новое направление культурных связей и своеобразие «кан-гюйской» культуры Хорезма (с IV в. до н.э. и до конца I тысячелетия до н.э.). Археологические слои этого времени есть на многих памятниках древнего Хорезма. Широкою известность получила Кой-Крылганкала — в первоначальном своем виде круглое в плане культовое сооружение. Раскопки этого памятника в 1950-х годах были проведены Хорезмской экспедицией под руководством С.П. Толстова. Материалы опубликованы в специальной монографии¹.

В 1981, 1985-1991 гг. под руководством автора раскапывался другой уникальный памятник этой культуры — культовый центр IV-II вв. до н.э. в левобережном Хорезме — Калалы-гыр 2. Памятник погиб от пожара ориентировочно в пределах II в. до н.э., сохранился богатый археологический материал, среди которого зна-

чительное место занимают предметы, связанные с культом и ритуалами².

Характерной чертой культуры Хорезма с IV в. до н.э. и до рубежа эр является распространение круглых в плане храмов, которые были связаны с культом плодородия и входят в широкий круг подобных по смыслу построек, распространенных в «иранском мире» и даже ряде других индоевропейских традиций.

Найденные на Калалы-гыре 2 рельефные композиции на древнехорезмийских флягах можно интерпретировать либо исходя из легенд и мифов, зафиксированных в авестийской традиции, либо из представлений, связанных с ними. Отмечаются глубокие индоевропейские (или собственно иранские) корни в мифологии и особая популярность Митры в верованиях древних хорезмийцев, а также вероятная близость религиозных воззрений хорезмийцев в эту эпоху к зрелищам поздних ахеменидов³.

Очевидно, с V в. до н.э. уже бытовал хорезмийский вариант зороастрийского календаря.

Погребальные обряды разных групп населения Хорезма, ставшие известными по археологическим работам последних десятилетий, довольно существенно отличаются от канонического зороастрийского. Даже наиболее ранние сосуды-оссуарии из Хорезма (с V в. до н.э.) содержат все кости скелетов, что свидетельствует о бытовании обряда очищения костей, отличного от «выставления». Последний засвидетельствован в Хорезме только во II-IV вв. н.э., когда и круглый храм Калалы-гыра 2 лежавший уже долгое время в развалинах, был превращен в место выставления трупов (зороастрийского типа *дахму*)⁴.

Культовый центр Калалы-гыр 2 расположен в левобережной части дельты Амударьи (около 100 км на запад от г. Ташауза) на южном берегу одного из основных дельтовых протоков Амударьи — Южного ДAUDANA. В 10 км восточнее него у берега того же протока находятся развалины недостроенной резиденции ахеменидского сатрапа — крепость Калалы-гыр 1, к северу от которой у головных сооружений крупного магистрального канала в ту же эпоху был основан хорезмийский город — крепость с цитаделью Куня-Уаз. Возникли все эти памятники в одно время от начала до сере-

дины IV в. до н.э., когда происходило и сложение так называемой «кангуйской» культуры древнего Хорезма.

Культовый центр Калалы-гыр 2 в виде крепости был возведен на северной оконечности возвышенности и частично на ее склоне, обращенном к реке, и большой речной излучине, где располагалась освоенная под земледелие территория. В плане памятник представляет четверть круга с радиусом в 195 м, к нему по склону примыкает входной комплекс, с которым были связаны публичные ритуалы и церемонии (рис. 1,1). Основная территория культового центра, отсекавшаяся внутренними воротами (рис. 1,3), была плотно застроена и не предназначалась для массовых ритуальных действий. Наиболее монументальное здание на памятнике — круглый храм (24 м в диаметре), судя по всему, типичное сооружение этого времени (рис. 1,4). Идентичный храм был обнаружен и на поселении оседлых скотоводов Гяур-3 в 65 км к юго-западу от Калалы-гыра 2. Вокруг круглого здания раскопаны помещения, связанные с храмовым хозяйством: изготовлением ритуального хлеба, напитка, возможно тканей и т.д. В изгибе северной стены основной крепости были раскопаны два помещения, где хранился культовый напиток и, очевидно, ритуальные же ровно обрезанные стебли соломы (рис. 1,5). Южнее, в центре крепости находилось почти полностью смытое центральное здание с парадными помещениями, на полу одного из них найдены фрагменты настенной сюжетной живописи (рис. 1,7).

В разных частях памятника встречены древнейшие хорезмийские надписи на керамике (остраки и надписи на сосудах), довольно много импортной посуды, набор местной керамики очень богат. Многие керамические культовые сосуды из Калалы-гыра 2 сделаны в подражание металлическим образцам ахеменидской эпохи и, несомненно, связаны с западноиранскими центрами торевтики позднеахеменидского времени (рис. 2). Среди богатого набора терракотовых изделий выделяются и новые уникальные типы женских статуэток. Особую серию находок представляют оригинальные хорезмийские керамические рельефы на флягах и крышках с мифологическими сюжетами. Многие из них ранее на памятниках Хорезма не встречались (рис. 3, 4, 5).

Раскопки культового центра Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме дали не только новый интересный материал по культуре и искусству одного из самых ярких периодов в истории древнего Хорезма (IV-I вв. до н.э.), но и значительно расширили наши представления о мифологии и ритуалах этого времени.

При раскопках выяснилось, что на памятнике выделяется ряд функциональных зон, связанных с культовыми объектами, изучение которых позволяет реконструировать целый ряд ритуалов, практиковавшихся здесь.

Своеобразная планировка памятника скорее всего несет и смысловую нагрузку. Это подтверждается и оригинальностью северо-восточного участка дуговидной стены основного комплекса — она имеет неритмически повторяющиеся изгибы и завершается двумя скрытыми входной частью помещениями, расположенными внутри дуги последнего изгиба стены (рис. 1,5). «Извилистая» часть крепостной стены расположена на самом пологом и ровном участке возвышенности, через который проходили и ко входу в культовый центр. По очертаниям описанный участок стены повторяет «рисунки» стебля растения с «шишкой-плодом» на его конце, изображенным на рельефе с календарным мифом, обнаруженным на памятнике и отождествленным нами со священным растением древних иранцев — *хаомой* (рис. 4). В ведийской мифологии *сома* тоже связана с северо-востоком, а в иранских верованиях молитва, обращенная к *хаоме*, предшествует по времени восходу солнца и обращению к Митре, что также соответствует северо-востоку. Помещения, расположенные внутри условной «шишки», носили явно культовый характер. Заднее было закрыто двойной дверью и содержало ряд разных по размерам сосудов, стоящих у стены, а также двуручный амфоровидный ритон и кубок — в центре. В центральной же части помещения на глиняной обмазке пола были обнаружены отпечатки зерен пшеницы и проса. По характеру и размерам этих отпечатков можно сделать заключение, что с порога двери, ведущей в помещение, на сырую обмазку пола были брошены две пригоршни зерен, которые и отпечатались на высохшем полу. Смысл этого обряда может быть связан с особым благопожеланием в адрес помещения, очевидно, связанного с плодородием. В перед-

нем — в яме хранились аккуратно отрезанные одинаковые стебли соломы. По большому пандусу в восточной части этого помещения попадали в крепостной коридор, огибавший оба помещения, из которого по перекидному мостику у внутренних ворот (рис. 1,3), осуществлялся проход к большому пандусу (рис. 1,6), выводившему к алтарной площадке с внутренней стороны крепостной стены («втянутый» участок со стороны входного комплекса). Этот алтарь был центральным внутри крепости, что подтверждает и его расположение на пересечении основных планировочных осей. Он был открыт для обозрения только внутри культового центра, возносил огонь к небу и не был связан с каким-либо храмовым или культовым сооружением внутри памятника. Надо отметить, что при опущенном перекидном мостике внутренние ворота в крепость автоматически оказывались запертыми, то есть во время церемоний у центрального алтаря культовый центр оказывался изолированным от воздействий извне. Это же обстоятельство несомненно подчеркивает отличие двух частей памятника — открытого для «прихожан» входного комплекса (рис. 1,1) и запертого «жреческого» комплекса внутри.

Центральную площадку занимало какое-то парадное сооружение почти полностью смытое к моменту раскопок (рис. 1,7). Это подпрямоугольная постройка, судя по всему, небольшой анфиладой помещений делилась на две части и была обращена на восток. Все помещения с трех сторон огибал неширокий коридор, а с востока, куда выходили входы помещений, находился широкий коридор — *айван*. В слое разрушенных помещений в южной части здания встречены слои размытой светлой золы и пепла, но какого-либо центра горения (алтаря) не было выявлено. В северной половине, сохранившейся на высоте не более 25-40 см (в отдельных местах), раскопано три помещения: зал (7,5x12,5) в северо-восточном углу и примыкающие к нему с запада два вытянутых помещения. В зале и северо-западном помещении расчищены квадратные углубления от баз колонн и остатки многокрасочной штукатурки на полах. Мелкие остатки побеленной штукатурки есть и в восточном *айване*, они обнаружены в слое под верхним полом и относятся, как и в помещениях, к периоду первого разрушения (пожара) памятника, кото-

рый выявлен и на других объектах. В одном из углов северо-западного помещения в слое такого разрушения под маленьким и единственным во всем здании участком сохранившегося здесь верхнего пола обнаружены фрагменты штукатурки с сюжетной живописью, первоначально украшавшей стены помещения. Парадный и, возможно, культовый смысл этой постройки — бесспорен, но какое-либо заключение о характере культа сделать нельзя. Несомненно, что это здание не похоже на известные «храмы огня».

В укромном изгибе крепостных стен в западной части памятника расположена самая монументальная постройка комплекса — круглый храм (наружный диаметр — 24 м) с входной овальной башней. Он окружен рядом помещений, связанных с обслуживанием культовых церемоний, вероятно, не только этого объекта. Эта часть памятника была отделена от всей остальной территории нешироким коридором-улицей. В большинстве помещений удалось выяснить специфику их функционального назначения (выпечка ритуального хлеба — рис. 6), приготовление напитков из растираемых растений, обеспечение ритуальных трапез, очистительные ритуалы и т.д.). Сам круглый храм идентичен по планировке храму того же времени Гяур-кала 3 (левобережный Хорезм)⁵ и имеет определенные соответствия в планировке круглых культовых сооружений на широкой территории (соотнесение символа общей круглой планировки с внутренней ориентацией по странам света и членение на три уровня по вертикали). Все они, независимо от хронологии, начиная от погребальных сооружений и до храмов, могут быть соотнесены с культом плодородия. Именно такой тип храма можно соотносить с мировым деревом, считать «иранским бразманом» и сопоставлять его с индийским брахманом⁶.

Вблизи входа в круглый храм проводились трапезы, только здесь встречены кости животных, практически отсутствующие в сколько-нибудь значительном количестве на других участках памятника. В двух ближайших ко входу в храм помещениях были обнаружены круглые печи типа современных среднеазиатских тандыров, в которых выпекался хлеб. В ряду помещений к востоку от круглого храма, примыкающих к крепостной стене, одно выделялось следами мощной травянисто-камышовой подстилки на полу

(10-15 см по всей площади), что, согласно индоиранской традиции, делалось для размещения жертвенного мяса животных (или при самом жертвоприношении животных)⁷.

Все отмеченные выше объекты не были предназначены для широкого обозрения, а во время процессий к алтарю опускавшийся подъемный мост (на высоте 2 м) запирали ворота во внутреннюю часть памятника. Открытой для посетителей частью памятника оставался входной комплекс (рис. 1,1) с культовыми нишами на верхней площадке в южной части комплекса, где совершались, вероятно, гражданские обряды, например, договорные соглашения и т.д., находившиеся под защитой божеств и скреплявшиеся клятвой. Здесь перед небольшим алтарем найден амфоровидный ритон (рис. 2) с кубком. Особо следует отметить, что ритон был рассчитан на употребление двумя участниками ритуала (два «соска»), что указывает на участие в «действии» двух лиц. Это мог быть любой договор перед лицом божества или нескольких божеств, которые почитались в данном культовом центре (от свадебного соглашения до договоров о продаже, дарении и т.д. — всюду, где могла приноситься клятва перед лицом бога). Именно подобный амфоровидный сосуд изображен в руках у «богини» или жрицы на известной хорезмийской терракотовой статуэтке, которую часто именуют Анахитой⁸.

Тут же, особенно перед воротами на основную территорию (рис. 1,3), находились многие votивные сосуды с приношениями.

Традиция сооружения подобных небольших алтарей для особых церемоний, судя по всему, сохранялась в ряде районов Средней Азии с глубокой древности до средневековья. Л.И. Ремпель в свое время посвятил специальную статью⁹ изображениям на двух фрагментах средневековых очажков и представил реконструкцию культовых ниш, которые он, как и раскапывавший помещение с подобным сооружением на Афрасиабе А.И. Тереножкин, определили условно как «дом огня». На представленной в статье реконструкции и на фрагментах плиток мы можем увидеть практически весь набор инвентаря и сооружений, обнаруженных нами у отмеченного выше «алтаря» на верхней площадке входного комплекса Калалы-гыра 2.

Здесь есть слегка заглубленный в массив стены алтарик, который обрамляли мелкие полуколонки из дерева, обмазанного глиной (прием, обычный для памятника; так исполнялись и дверные проемы в каркасных стенах помещений около круглого храма). Перед ним были найдены двуручный амфоровидный ритон, обломки кубка, камни от терок (ср. со ступкой и пестиком) и фрагменты других сосудов. Часть инвентаря была уже смыта по склону и не может быть восстановлена. Все ниши на верхней площадке были перекрыты навесом, крыша которого, очевидно, находилась у нижнего края бойниц. Вряд ли можно называть подобные сооружения на Калалы-гыре 2 даже условно «домом огня», но связь их с ритуалами бесспорна.

Массивные стены входного комплекса не имели бойниц и стрелковых коридоров, они до сегодняшнего дня (высота их 4-5 м) обеспечивают особую акустику в этой части памятника. По склону возвышенности здесь сохранились остатки частично искусственно сделанного по сторонам смытого в центре пандуса своеобразного «амфитеатра», предназначавшегося, очевидно, для участников культовых церемоний. В юго-восточной части входного комплекса обнаружены остатки ниш-сидений с вотивными приношениями. Заложённая кирпичами глубокая парадная ниша раскопана в массиве восточной стены, она явно не имеет практического назначения, так как расположена на большой высоте (могла предназначаться только для обзора). Северная часть входного комплекса не раскопана, она частично смыта и перекрыта большими песчаными барханами; раскопан лишь участок у входа на памятник, обрамленный двумя массивными кирпичными пилонами, фланкировавшими проход (рис. 1, 2, 1, 1). Внутри с северной стороны за ним находился большой открытый очаг с небольшим количеством белой и светлосерой золы. Вдоль северной стены входного комплекса начаты раскопки одного ряда помещений с каркасными стенами. Возможно, что во входном комплексе для осуществления массовых ритуалов находился и специальный алтарь где-то поблизости от северной стены. О существовании на памятнике массивного каменного алтаря свидетельствуют свинцовые стержни и куски але-

бастрового раствора с отпечатками довольно крупных «плит», найденных в разных местах на верхней площадке.

О том, что здесь осуществлялись и коллективные трапезы, можно судить и по обильному набору фрагментов столовой посуды, найденной в стрелковом коридоре слева от внутренних ворот вблизи подъемного моста. Особого внимания заслуживают остатки большого количества «тазов-тагор» с ангобной росписью внутри в виде креста, явно предназначавшихся для коллективной и, вероятно, культовой еды. Подобные сосуды в комплексах керамики древнего Хорезма встречаются очень редко¹⁰.

Несмотря на плохую сохранность и недостаточную изученность входного комплекса, особенно в его северной части, можно сделать ряд существенных выводов о его роли в культовом комплексе в целом. Это была публичная часть, открытая для рядовых посетителей. Здесь, на верхней площадке, во «втянутой» части перед внутренними воротами собирались вотивные приношения. В глубине этой площадки каркасной стеной против внутренних ворот было выгорожено помещение, в котором обнаружены ямы и крупные сосуды со сгоревшим при пожаре зерном и мукой. Севернее этого помещения в основании крепостной стены (ее западного участка в этом месте) были сделаны культовые ниши, обмазка которых неоднократно обновлялась. Наиболее сохранившийся комплекс ниши с амфоровидным ритонем описан нами выше. Кроме того, было найдено еще несколько сгоревших полностью или частично деревянных столбов, скрытых глиняной обмазкой по сторонам вырубленных в пахсовом массиве стены ниш, но они находились уже у края большой промоины, разрезавшей среднюю часть верхней площадки. Эта промоина прошла несомненно по пологому пандусу (скорее всего, естественная часть возвышенности), который должен был обеспечивать подъем минимум на 8 м от нижней части входного комплекса к площадке перед внутренними воротами.

Серия ниш культового назначения, вероятно, продолжалась в основании крепостной стены вплоть до примыкания к ней западной стены входного комплекса, так как в этом углу была обнаружена в 50 см над поверхностью основания стены неглубокая ниша (70 см ширины, 20 см глубины, 85 см высоты) с дуговидным вер-

хом (типа арочки), назначение которой неясно. По ее конструкции можно лишь предположить, что в ней мог выставляться для всеобщего обозрения какой-то предмет по форме, но достаточно крупный по высоте. Терракоты бы потерялись в такой высокой нише. Может быть, это было деревянное изделие, от которого до нас не дошло никаких следов. В 40 см над нишей был внешний нижний край стрелковой бойницы, при зачистке которой был обнаружен небольшой комплект посуды: бокал на «пуговичном» поддоне и большой фрагмент не крупного горшка. Скорее всего эти сосуды предназначались для какого-то ритуала, связанного с описанной нишей. Последняя уже имела обзор с территории нижней части входного комплекса, так как находилась вне втянутой части верхней площадки. Эта ниша, как и уже упоминавшаяся заложённая глубокая ниша в восточной стене входного комплекса, могла быть связана с какими-то ритуальными действиями, проводившимися на краю верхней площадки и обозреваемыми со всей нижней части входного комплекса и с возвышений по сторонам центрального прохода на верхнюю площадку. Какие-то ритуальные действия типа «представлений» мифов могли разыгрываться и в северной части входного комплекса, особенно если там находился алтарь. Сюда же открывался проход от входных пилонов (ворот) с востока, который, несомненно, играл особую роль в ритуалах на памятнике (вход в круглый храм и центральное здание, вход на памятник — все они ориентированы на восток, который, в свою очередь, связан с Митрой и солнцем).

Как это не покажется парадоксальным, но входной комплекс может рассматриваться как своего рода «театр», где особая акустика обеспечивала яркость произносимых молитв, может быть, сопровождавшихся песнопениями, а зрители, располагавшиеся на возвышениях вдоль боковых стен, могли хорошо обозревать все религиозные действия как на краю верхней площадки, так и у северной стены входного комплекса (у предполагаемого алтаря). Здесь же могли совершаться основные жертвоприношения от имени всех присутствующих. Нетрудно представить, что здесь могли «разыгрываться» (исполняться жрецами) основные мифы и, прежде всего, календарный миф с жертвоприношением оленя в период

зимнего солнцестояния и его возрождением в день весеннего равноденствия (см. рис. 3 и 4).

Выше мы предлагали считать круглые храмы типа калалыгырского, сопоставимые по планировке и конструкции с иранским «бразманом». Поскольку идентификация древнеперсидского *brāzmañ* и ведического *bráhmañ* принимается всеми исследователями¹¹, то для нас представляют особый интерес выводы В.Н. Топорова из его исследования о ведическом брахмане. Он считает, что *bráhmañ* — это первоначально могло называться ритуальное сооружение по первоначальной конструкции сопоставимое с мировым деревом¹² (или тождественное «одному из многочисленных вариантов мирового дерева»). *Bráhmañ* — это могла, по его мнению, быть названа и «словесная часть ритуальной службы, синхронизированная с основными действиями, связанными с *bráhmañ* — конструкцией». «Вся церемония могла получить название *bráhmañ'a*, а жрец — *brahmán'a*»¹³.

Особенно важно для нас, что на основе сопоставления с многочисленными ритуальными сооружениями, В.Н. Топоров считает возможным возводить к *bráhmañ'u* и поздние сооружения типа триумфальной арки.

Массивные ворота во входной комплекс хорезмийского культового центра Калалы-гыр 2 тоже могут рассматриваться в качестве исходной формы подобной конструкции (рис. 1,2). Два пилона этих ворот, расположенные примерно в 5 м друг от друга, имели размеры от 10 до 15 м по стороне основания. Даже сейчас их сплошная монументальная кирпичная кладка имеет размеры около 10 м по стороне основания при высоте 6-9 м. Пилоны эти не связаны перевязкой в кладке со смежными с ними стенами, нет никаких камер ни внутри них, ни наверху; не обнаружено каких-либо следов сооружения, с помощью которого могли подниматься на эти «монолиты». В южном пилоне обнаружено округлое отверстие для бревна, которым запирали ворота в крепость (более 6 м в длину). От него под прямым углом отходит аналогичный канал к лицевой части ворот (для их «запирания» путем сдвига вправо основного бревна), что вызывает некоторое недоумение, так как делает доступной эту конструкцию для «неприятелей». Правда, открыть воро-

та через этот канал вряд ли было возможно. В северном пилоне на высоте примерно 5,5 м и не менее, чем в 6 м от восточного (наружного) фасада ворот сохранилось пять круглых отверстий (около 15-20 см в диаметре) от балок своеобразного перекрытия прохода ворот. Функция этого сооружения нам была абсолютно неясна, так как с этого «настила» нельзя было оборонять ворота, не была связана эта площадка и со стенами входного комплекса, на которых вообще нет оборонительных сооружений.

Все вместе взятое позволяет относить описанное нами сооружение к типу *bráhmaṇ'a* — *brazmaṇ'a*, а сами эти ворота рассматривать как конструкцию, предшествующую «триумфальным аркам» и символизирующую сдвоенное мировое дерево (двойной *bráhmaṇ*). Несомненно важно, что за этими воротами проводились основные публичные богослужения. На верхний «настил» над воротами могли водружаться в дни особых праздников жертвоприношения, символы богов и т.д. (?).

В.Н. Топоров отмечал постоянные выражения в текстах типа «врата *bráhmaṇ'a*», «град *bráhmaṇ'a*, обитель *bráhmaṇ'a*», божественные двери, врата¹⁴, что полностью может быть отнесено к входной конструкции на Калалы-гыре 2. Остается добавить, что обращены эти ворота на восток и могли в ритуальных действиях связываться с восходом солнца. Дублирование идеи мирового дерева в конструкции ворот и круглом храме вряд ли может смущать, так как сам факт дублирования только подчеркивает основополагающую идею, а кроме того круглый храм был открыт лишь для узкого круга верующих (скорее только для жречества), а ворота были священным символом для всей паствы.

Раскопки вдоль внешней стороны восточной стены входного комплекса показали, что пространство перед воротами использовалось для легких навесов у стен. Была обнаружена и одна ниша — сидение, обращенное в сторону ворот.

Культовый центр окружали и освоенные прилегающие земли с ирригационными сооружениями, большим виноградником и садом. В найденных на памятнике надписях (в основном учетно-хозяйственных), в одном случае упомянуты подати, а в другом — рабы (чтение В.А. Лившица).

В связи с небольшим объемом статьи мы затронули лишь особые функциональные зоны, оставив в стороне описание отдельных помещений вокруг круглого храма и на других участках, назначение которых удалось установить по инвентарю и конструкциям.

Отметим лишь указанные на плане (рис. 1,8) места закладок проходов в особо сакрально «чистые» помещения, которые были сделаны перед уходом служителей культа с памятника. Это — вход в круглый храм и помещение в его западной части, где хранился в яме огонь, вход в небольшое помещение, расположенное между круглым храмом и центральным зданием, где в аскетических условиях жрецы, очевидно, проходили «очищение». Рядом с этим помещением было другое — с своеобразными «ванночками», где могли совершать очистительные омовения.

Список рисунков и условные обозначения к ним

Рис. 1. План культового центра крепости Калалы-гыр 2.

Условные обозначения:

1. Входной комплекс
2. Ворота во входной комплекс
3. Внутренние ворота на памятник («верхние»)
4. Круглый храм
5. Помещения для хранения культового напитка и стеблей соломы
6. Большой пандус, выведший к алтарной площадке у его западного конца
7. Центральное здание
8. Места закладок входов в отдельные комплексы
9. Место жертвоприношений

10. Предполагаемый «очищительный» комплекс

Рис. 2. Двуручный керамический ритон

Рис. 3. Рельеф с календарным мифом

Рис. 4. Рельеф с оленем на дереве

Рис. 5. Рельеф с изображением Гопатшаха на крышке сосуда

Рис. 6. Форма для выпечки ритуального хлеба

¹ Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. М., 1967 (под ред. С.П. Толстова, Б.И. Вайнберг).

² Вайнберг Б.И. История обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991; она же. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М., 1991; она же. Этногеография Приаралья в древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э., М., 1999. Ч. I и III.

³ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи... С. 26 и сл.; Vainberg B.I. The Kalaly-Gyr 2 Ritual Center in Ancient Khvarazm // Bulletin of the Asia Institute. New Series. V.8, 1994; она же. Древнехорезмийские керамические рельефы из культового центра Калалы-гыр 2 (IV-II в. до н.э.) и их интерпретация // Культура Востока: проблемы и памятники. Тезисы докладов конф. в Гос. Эрмитаже 21-25 января 1992 г. Спб., 1992. С. 52-59.

⁴ Общий обзор развития погребальных обрядов в Хорезме см. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана. Ч. III, 1999.

⁵ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи... С. 34 и сл. и рис. 11.

⁶ Топоров В.Н. О брахмане. К истокам концепции // Проблемы истории, языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 20 и сл.; Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи М., 1987. С. 110.

⁷ Бойс М. Зороастрийцы... С. 11.

⁸ Кой-Крылган кала... С. 175 и сл., табл. XXV, 4.

⁹ Ремпель Л.И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба // Доклады АН Таджикской ССР. Вып. IX, 1953. С. 25 и сл.

¹⁰ См. например Кой-Крылган-кала... Табл. 1.

¹¹ Топоров В.Н. О брахмане... С. 72, особенно сн. 164, где приведена литература.

¹² Подробнее см. там же.

¹³ Там же. С. 72-73.

¹⁴ Там же. С. 70.

- Легенда к карте:
1. Входной комплекс
 2. Ворота-брахман
 3. Внутренние ворота на крепость
 4. Круглый храм
 5. Помещения для хранения ритуального напитка
 6. Пандус к "центральному" алтарю
 7. Центральное здание
 8. Вход в целлу храма
 9. Помещения для жертвоприношений
 10. Помещения для очищения служителей культового комплекса

Рис. 1. План-карта

Рис. 2. Двуручный керамический ритон

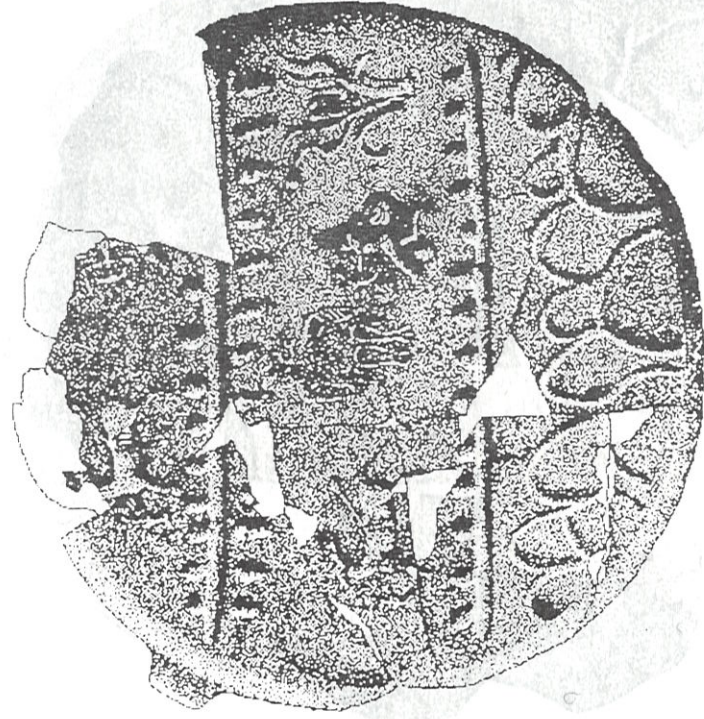
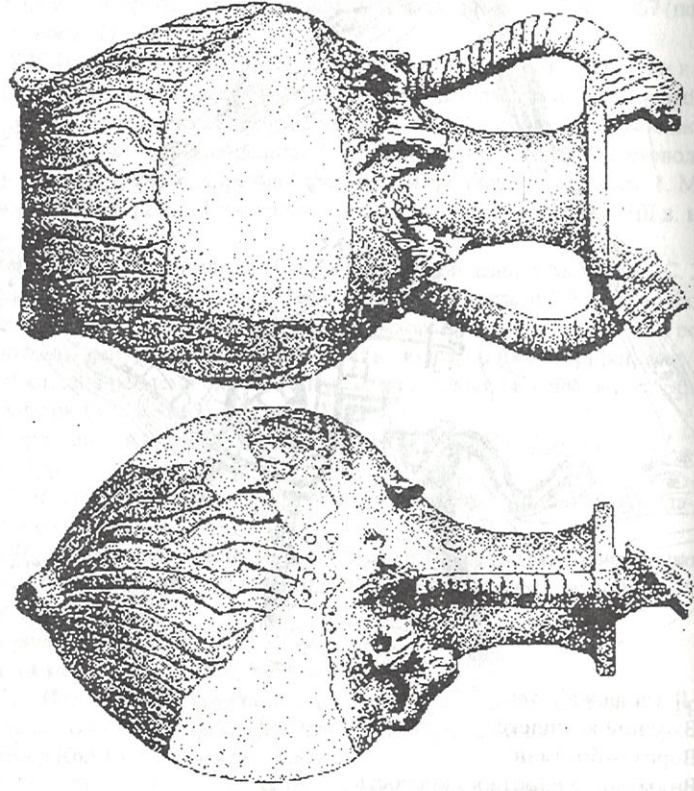

Рис. 3. Рельеф с календарным мифом.

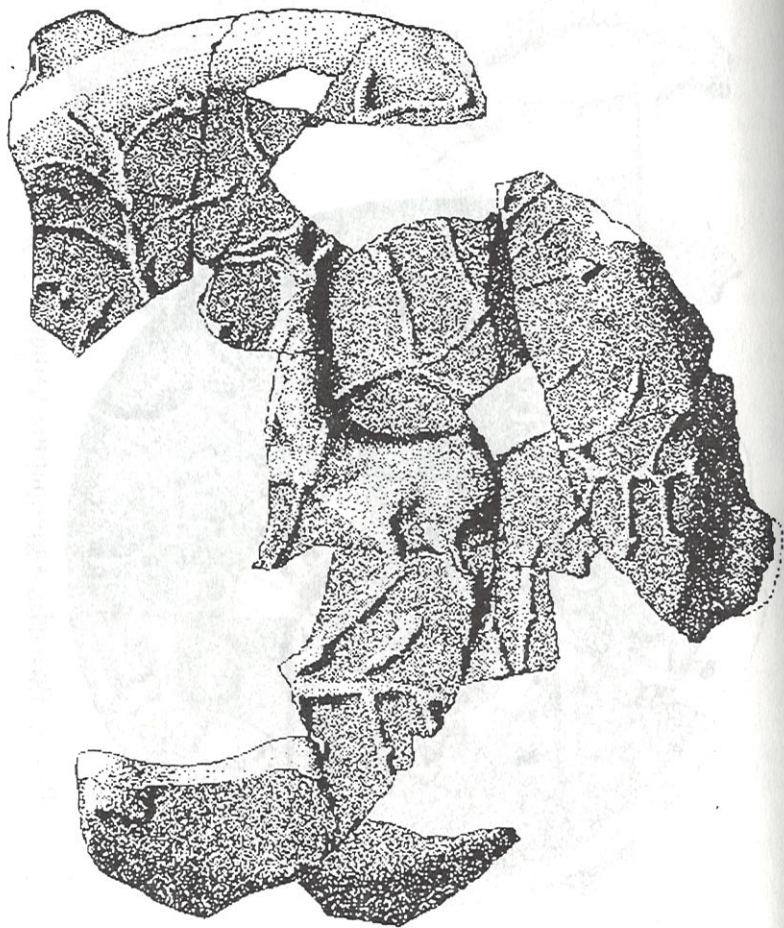

Рис. 4. Рельеф с оленем на ветке дерева.

Рис. 5. Рельеф с изображением Гопатшаха

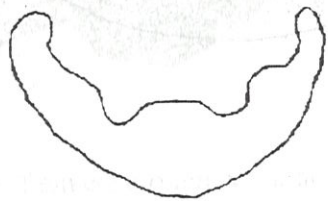
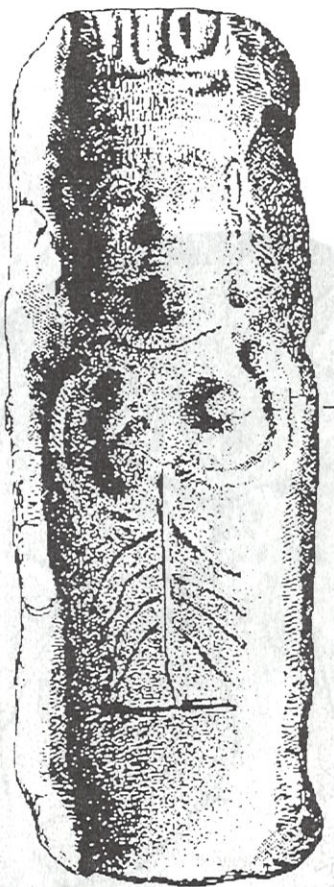

Рис 6 Форма для выпечки ритуального хлеба

Г.П.Васильева

**Материалы по земледелию туркмен
конца XIX—начала XX вв.
(сельскохозяйственные культуры)***

Экспедиционные исследования по земледелию у народов Средней Азии и Казахстана проводились в 1960–70 годы для «Историко-этнографического атласа» региона. Материал, собранный нами по этой теме, охватывает все сельскохозяйственные группы туркмен от восточных и северо-восточных границ республики до побережья Каспийского моря. Это группы иомудов и текинцев, гоклены и човдуры, карадашлы, али-эли, мехинли, аннаули, нохурли, а также эрсари и другие приамударьинские племена. За прошедший со времени сбора материала период было опубликовано ряд статей, касающихся этой темы, на которые мы будем ссылаться в соответствующих местах.

По всей указанной территории на поливных и неполивных землях из выращиваемых туркменами культур первое место занимали зерновые. Второе место принадлежало бахчевым, затем техническим и огородным культурам. Среди зерновых наибольшее распространение имели пшеница (*бугдай*), джугара (*джовен*) и ячмень (*арпа*). В ряде мест возделывалось также просо (*дары*, *гонак*) и значительно меньше рис¹. В некоторых районах в качестве огородного растения высевали кукурузу (*мекгеджовен*). Зерновые бобовые — маш (род среднеазиатского гороха), горох (*нохут*), фасоль (*нойба*)

* В предыдущем сборнике (Итоги полевых исследований. М., 2000) опубликована статья автора, содержащая сведения по обработке почвы, уборке и хранении урожая. Здесь предлагаются данные о сельскохозяйственных культурах, культивируемых теми же этнографическими группами туркмен.